

Житие святому блаженному Прокопию Устюжскому

В первой половине XIII века, во дни славы и могущества Новгорода, в числе заморских торговых гостей, приезжавших ежегодно во множестве, прибыл однажды с богатым грузом товаров немецкий купец. Какого он был рода и племени и из какого города – неизвестно. Без всякого сомнения, ему и его товарищам и на мысль не приходило долго пробыть, а тем более остаться навсегда в суровой и холодной России. Кто мог думать, что этот молодой купец, воспитанный в довольстве и роскоши и с младенчества питанный враждебным православию католическим учением, решится добровольно на всю жизнь подвергнуть себя всевозможным лишениям и страданиям, что при видимом скудоумии он сохранит мудрость и чистоту сердца, достигнет высоты нравственного совершенства, сделается украшением православной церкви, великим чудотворцем, защитником и покровителем своего нового отечества. Истинно, сила Божия в немощи совершается (2Кор. 12,9). Дивны дела Господни, дивен Бог во святых Своих!

Когда Прокопий прибыл в Новгород, то невольно был поражен множеством и красотой церковей и монастырей, доброгласным звоном многочисленных колоколов, набожностью и усердием народа к церковным службам – чего он никогда не думал встретить между людьми, не повинующимися римскому первосвященнику. А когда молодой человек по своей любознательности посетил храм Св. Софии и другие церкви и монастыри, услышал стройное пение ликов, увидел чинное и благоговейное служение, торжественность и благолепие обрядов православной церкви, то благодать Божия коснулась его сердца. Он умилился до глубины души, так что не захотел уже больше возвращаться на родину, решился принять православие и стал искать человека, который бы мог научить его догматам веры и уставам православной церкви. Ему указали на Хутынский монастырь, незадолго (1192 г.) пред тем основанный и славившийся строгостью устава и святостью жизни своих иноков.

В то время в монастыре подвизался старец Варлаам Прокшинич, старавшийся во всем подражать прп. Варлааму Хутынскому († 1192; память 6/19 ноября), основателю обители. К нему обратился Прокопий и, припавши к ногам, со слезами просил научить его истинной вере. Сначала удивительным показалось старцу, что молодой и

богатый иностранец, приехавший в Новгород для торговли, ищет православия, но, убедившись в искренности желания Прокопия, с отеческой любовью принял его к себе и стал учить заповедям Божиим, уставам и чиноположениям православной церкви. Не напрасны были наставления и труды мудрого подвижника: Прокопий с охотой слушал примеры из отеческих писаний, житий святых и собственных наблюдений старца и старался запечатлеть в своем сердце. Особенно трогали его жития преподобных и Христа ради юродивых, добровольно подвергавшихся различным лишениям и трудам и при этом еще старавшихся скрывать свои подвиги от людей. «Вот, – думал он, – как люди трудились и терпели для спасения своей души; вот примеры, которым я должен подражать». И с каждым днем более и более стал чувствовать отвращение от мирской жизни и возгораться любовью к Богу. Наконец он раздал все свое имение и богатство частью нищим, частью на сооружение храма в Хутынской обители и, решительно ничего не оставив себе, стал жить в обители как один из странников, ежедневно посещая все церковные службы и усердно служа братии. Избавившись от всех попечений и житейских забот, Прокопий ощутил спокойствие в своей душе, новый образ жизни сердечно ему понравился, и он желал всю свою

жизнь провести в тишине уединенной келлии под мирным кровом святой обители.

Но новгородцы, узнавши о том, что Прокопий принял святую веру и раздал все свое имение, стали хвалить и превозносить его. Некоторые даже нарочно приходили на Хутынъ, чтобы только видеть Прокопия, потому что слава о нем распространилась во всех концах города и пятинах новгородских. Тяжело было Прокопию слышать о себе такие разговоры. Людская слава, лишившая покоя его смиренное сердце, сделалась для него невыносимым бременем. Опасаясь из-за нее лишиться славы небесной, он открыл старцу Варлааму свою душевную скорбь и стал просить у него совета и благословения удалиться куда-либо, где бы его никто не знал. Старец сперва удерживал его, советуя лучше не выходить из обители и даже заключиться в затвор, но непреклонно было желание Прокопия, как будто что влекло его из обители. И сколько Варлаам ни старался, не мог остановить его, и, преподавши наставление, старец с молитвой и благословением отпустил своего ученика в путь.

Без всяких средств к жизни, не взявши ничего даже на дорогу, в бедной одежде Прокопий вышел из монастыря. Он спешил оставить новгородские пределы и устремился в неизвестные

ему восточные страны, тогда еще не густо населенные и покрытые дремучими лесами и болотами. Часто усталому страннику после длинного целодневного пути приходилось оставаться без пищи, спать на улице под дождем и ветром, если не встречалось сострадательного человека, который бы вызвался накормить и успокоить его, ибо Прокопий, сколько бы ни был голоден, никогда ничего не просил и представлял из себя глупого. Много насмешек и оскорблений, ругательств и побоев перенес он от грубых людей на пути, много привелось ему в своем ветхом рубище потерпеть и от летнего жара и насекомых, и от зимних вьюг и трескучих морозов. Но он не унывал и не падал духом, зная, что каждый день добровольных его злостраданий, каждый шаг по этому узкому и истинно крестному пути приближают его к вечному покою и Небесной Отчизне. Юродствуя днем, он и ночью не давал себе покоя, проводил ее в коленопреклонении и молитвах, вспоминая слова апостола: Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие (Деян. 14,22) и стараясь утешать себя тем, что все земные скорби, как бы они ни казались нам велики и тяжки, ничто в сравнении с небесными за них наградами (Рим. 8, 18). Переходя таким образом из страны в страну, из города в город и все далее и далее углубляясь на восток, Прокопий дошел до Устюга.

Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами в руках – ибо блаженный Прокопий носил в руках три кочерги или деревянных ключи – и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей. Он и здесь скоро сделался предметом насмешек и поругания людей грубых, которые не стыдились даже и бить его без всякой с его стороны причины. Несмотря на это, город понравился блаженному, и он решился навсегда остаться в нем. Так Устюг сделался местом, назначенным ему Промыслом, где он должен был проводить и кончить свой многотрудный подвиг. Представляясь безумным и юродствуя днем на улицах города, он каждую ночь обходил все городские церкви, припадал на колени и со слезами молился в открытых их папертях. Когда же изнуренное постом и бдением тело его отказывалось служить и требовало отдохновения, он на краткое время ложился где попало: в некрытом сарае, на куче навоза, на голой земле или на камне, несмотря ни на какую погоду: и летом, и зимой, хотя изодранное рубище едва прикрывало его тело и он был почти наг и бос. Если сострадательные и добрые люди подавали ему милостыню, он принимал с любовью и благодарностью, но не каждый день. А от богатей, нажившихся неправдою, никогда ничего не брал, хотя был голоден, а нередко и по несколько дней оставался совершенно без всякой пищи.

Это был мученик, из любви к Богу добровольно обрекший себя на скорби и лишения всякого рода. И как он возлюбил Господа всей душой, для Него оставил все свое богатство и передал себя изумительным подвигам самоотвержения, так и Господь возлюбил его и, подобно древним святым пророкам, даровал Своему избраннику дар предвидения и пророчества.

Долго скитаясь по городу, везде гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий избрал наконец местом постоянного своего жительства угол паперти огромного высокого соборного храма Успения Божией Матери, срубленного из дерева. Здесь стал он пребывать лето и зиму, не опуская ни одной церковной службы, ночи проводил в молитвах, а днем юродствовал по улицам города.

Много опытов духовной мудрости и прозорливости показал блаженный Прокопий во время многолетнего своего юродствования в Устюге. Когда он беседовал с людьми благочестивыми, перед которыми не считал нужным скрываться, то каждое его слово и действие было наставлением и предостережением. Когда же юродствовал и казался помешанным, многие поступки его для людей внимательных имели смысл пророческий. Замечали, например, что когда он бежал по горо-

ду и, размахивая своими кочергами, держал их головами кверху, то в тот год бывал хороший урожай на хлеб и плоды; если же оборачивал кочерги головами книзу, то бывал неурожай и во всем недостаток, так что приходилось невольно всем смиряться.

Важнейшим из многих пророческих предсказаний и чудес праведного Прокопия было избавление Устюга от истребления каменно-огненной тучей. Это было в 1290 году, за 13 лет до его кончины.

В один воскресный день, когда было много народа за службой в соборе, юродивый вдруг обратился ко всем с таким увещанием: «Приближается гнев Божий, покайтесь, братия, во грехах ваших, умилоствуйте Бога постом и молитвой, иначе город погибнет от града огненного». «Он не в своем уме и никогда не говорит ничего дельного. Что его слушать?» – сказали устюжане и не обратили никакого внимания на слова праведника. Любвеобильному сердцу Прокопия тяжело было встретить в гражданах такую беспечность и легкомыслие в то время, когда страшная опасность, угрожавшая им, уже висела над городом. От печали и горести сердца он едва мог достоять до окончания литургии и, вышедши на паперть, удалился в свой угол, зарыдал и, обли-

ваясь слезами, проплакал весь тот день и ночь, да и на другой день не переставал плакать. Некоторые сострадательные люди, видя его неутешный плач, спрашивали его: «Что с тобою, Прокопий, что ты непрестанно плачешь? Что у тебя за печаль на сердце?» Обливаясь слезами, он отвечал им словами Спасителя: Бдите и молитесь, да не внидите в напасть (Мф.24,41). На третий день блаженный Прокопий пошел по всему городу проповедовать покаяние жителям, со слезами всем и каждому он говорил: «Плачьте, други, плачьте о грехах ваших, гибель близка, молитесь, чтобы избавил вас Господь от праведного Своего гнева и не погубил вас, как Содом и Гоморру, за беззакония ваши». Но и эта вторая проповедь осталась бесплодной, ожестевшие во грехах устюжане оказались хуже ниневитян. Они не только не думали каяться, но еще смеялись и издевались над проповедником, как над безумным. Молитвенником за погибающий город остался один Прокопий, печально возвратившийся в свой угол на паперти.

В следующее воскресенье в полдень явилось на небосклоне черное облако. Приближаясь к городу, оно стало расти более и более, так что наконец день превратился в темную ночь. Молнии бегали огненными полосами, и страшные грохоты грома раздавались в воздухе, не прерываясь

ни на минуту. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и поверили ему. И стар, и млад, и нищие, и богатые – все бросились в храмы, особенно же в соборный храм Богородицы. Прокопий был уже там и, падши пред иконой Благовещения Богородицы, с горькими слезами молился, чтобы Матерь Божия была Ходатаицей за людей преступных. И весь народ с рыданием молился о спасении от гнева Божия, все единогласно зывали: «Владычице, спаси нас!» Долго молился блаженный, не поднимая головы своей от пола и орошая его своими слезами, и вот от иконы Богородицы потекло ручейком миро и по храму разлилось благоухание. В то же время произошла перемена в воздухе: не стало более удушливого зноя, утихли молнии и громы, разошлись тучи. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в Котовальской волости, упали с градом раскаленные камни. И долго был виден ломаный опаленный лес, над которым разразился гнев Божий, пощадивший город, в страх и свидетельство будущим родам. Но никто не был поражен ни в городе, ни в окрестностях. Между тем мира от святой иконы истекло столько, что им наполнили церковные сосуды, мазавшиеся им получали исцеление от различных болезней, а две бесноватые женщины освободились от своего лютого мучителя. Общая радость заступила место печали и рас-

пространилась по всему городу. Это чудное избавление города от неминуемой и явной гибели обратило было внимание граждан на Прокопия, но он приписал его милосердию и ходатайству Божией Матери и по-прежнему продолжал свой подвиг и юродством закрывал от людей обильную благодать, в нем обитавшую.

Любимым местом, где часто и долго сиживал блаженный Прокопий, был камень на берегу реки Сухоны неподалеку от собора. Здесь, смотря на плавающих в малых лодках через большую реку, он молился, чтобы они не потонули, и убедительно просил мимоходящих погребсти его тут. «Положите здесь мои кости, на этом месте, а камень сей, на котором сию ныне, положите на моей могиле, и воздаст вам Господь благое в день праведного суда Своего», – говорил он устюжанам.

Когда Прокопий пришел в Устюг, были еще в живых престарелые супруги Иоанн и Мария, заслужившие от современников название праведных (память 29 мая / 11 июня). Юродствуя по городу, он иногда заходил к ним в дом, беседовал с ними о пользе души, что доставляло старцам несказанное удовольствие, так как и он сам, и праведные супруги, хотя и различными путями, стремились к одной и той же цели. Но особен-

ным другом и собеседником его был преподобный Киприан († 1276; память 29 сентября/12 октября), основатель Устюжского Архангельского монастыря. Однако ни у Иоанна и Марии, ни у Киприана самопроизвольный мученик не искал покоя для своей плоти и не хотел пользоваться никакими удобствами земной жизни. После их блаженной кончины ближе других к юродивому был благочестивый клирик соборной церкви Симеон, впоследствии родитель свт. Стефана Пермского († 1396; память 26 апреля/9 мая). В продолжение многих лет Симеон был очевидным свидетелем пребывания Прокопия на соборной паперти и умел усмотреть в нем под кровом юродства великую духовную мудрость и обилие благодати Божией. Ему мы обязаны приведением в известность и сохранением для потомства следующего дивного события из жизни блаженного Прокопия.

Уже в последний год жизни Прокопия зима стала столь жестока и сурова, что такой не помнили старожилы. Сильная вьюга, продолжавшаяся две недели, занесла снегом дома даже внутри города, а мороз и северный ветер так были резки, что птицы падали мертвые и много погибло скота. Множество народа померзло в городе и окрестностях, особенно терпели нищие и странники, стеновая из глубины сердца. Можно

представить себе, каково было в этот мороз на-
гому Прокопию, который обыкновенно проводил
труженическую жизнь свою на высокой холод-
ной соборной паперти, не имел ни храмины, ни
постели, ни теплой одежды. Ослабевший от ста-
рости и терзаемый нестерпимым морозом, он
вышел было из паперти и пытался найти теплый
угол, чтобы хотя сколько-нибудь погреться, но
когда не удалось, принужден был возвратиться
на прежнее место и здесь, забытый и оставлен-
ный всеми, переносил невероятные страдания.
Когда вьюга унялась и стало несколько теплее,
юродивый вышел из паперти и направился за
церковь, в угольный дом, к любимому им клири-
ку Симеону. Как бы нисколько не пострадав от
мороза, с светлым лицом и приятным смехом он
вошел в комнату, спрашивая хозяина. Изумился
Симеон, увидевши у себя юродивого, ибо думал,
что он замерз во время столь лютого продолжи-
тельного мороза, и, обнявши его со слезами, с
радостью спешил приветствовать и принять до-
рогого гостя. Когда начали разговаривать, Про-
копий спросил Симеона: «Для чего ты, брат мой,
так скорбел и сетовал обо мне и теперь плачешь?
Не унывай, приготовь трапезу, чтобы нам вме-
сте вкусить сегодня пищи». Симеон обрадовался
неожиданному предложению и не знал, как и
благодарить за него гостя. Между тем, пока гото-
вили и собирали на стол, блаженный Прокопий

опять спросил Симеона: «Скажи мне искренне, добрый брат мой, ты много пожалел обо мне, странном человеке, думая, что я уже замерз от этой лютой стужи? Что же было бы тогда с братьями моими нищими? Нет! Хранит Господь любящих Его, близок к сокрушенным сердцем и спасает смиренных Пресвятым Своим Духом. Если ты и впредь будешь любить меня, то получишь много утешения для души. Не проливай же более обо мне слез, ибо великая радость бывает человеку, который скорбит всей душой и всем сердцем своим уповает на Бога и в сем веке, и в будущем». Из этих слов блаженного Симеон понял, что нечто дивное совершилось с ним во время страшного мороза, и, дружески обнимая и целуя его, стал спрашивать блаженного о его терпении, умоляя не таить благодати Божией и не скрывать от него, как обнаженное старческое тело его в течение стольких дней и ночей могло перенести такую страшную стужу. Долго молчал блаженный Прокопий, как бы о чем размышлял, и, вздохнув из глубины сердца, сквозь слезы отвечал: «Какую пользу хочешь ты, брат мой, получить от нечистого и юродивого, валяющегося в смраде грехов своих? Но великая любовь твоя ко мне побуждает поведать тебе мою тайну. Заклинаю тебя однако же Богом, Создателем и Спасителем нашим Иисусом Христом, что пока я жив, ты не откроешь того, что я поведаю теперь люб-

ви твоей». Симеон поклялся сохранить тайну, и блаженный Прокопий открыл ему следующее.

«Когда впервые поднялась эта страшная вьюга, ужаснулся я и уже отчаялся в жизни, думая, что не в силах буду перенести ее в моей наготе. Малодушествовал я и вышел ночью из паперти соборной, из-под крова Божией Матери. Сперва устремился я к стоящим напротив собора малым хижинам убогих людей, надеясь обрести у них хотя краткий покой и укрыться от стужи, но они не только не пустили меня, а еще, выскочив из хижин, палками прогнали меня, как какого-нибудь пса, ругаясь и крича вслед: “Прочь, прочь отсюда, мерзкий юродивый!” В страхе бежал я от них уже и сам не знаю куда, дорогой мысленно молился и говорил сам с собою: “Буди имя Господне благословенно отныне и до века; лучше умереть мне Христа ради, и Господь вменит мне то в праведность”. Не видя от вьюги пред собой ничего, набрел я дорогой на пустую хижину, в углу которой лежало несколько псов, спрятавшихся от мороза. Я лег было подле них, чтобы хотя сколько-нибудь от них согреться, но они, увидев меня, все вскочили и бросились вон. Тогда я подумал: “Вот до чего я мерзок и грешен, что не только нищие, но и псы гнушаются мною”. Тогда пришла мне на сердце такая мысль: люди отвергли меня, никому я не нужен,

возвращусь на старое место, пусть будет что угодно Богу, если и умру, так в святом месте, под кровом Божией Матери. И собравши последние силы, побежал обратно к церкви. Вошедши на паперть, я сел в углу, скорчившись от жестокого холода. Все члены мои дрожали, а я, взирая на икону Спасителя и Божией Матери, плакал и молился, но молился уже о спасении души, ибо уже жить не надеялся и каждый вздох казался мне последним, так как тело мое совсем оцепенело и посинело. Когда я наконец начал забываться и терять сознание, вдруг почувствовал какую-то необыкновенно приятную теплоту, открыв уже смежившиеся глаза, я увидел пред собой прекрасного юношу, лицо которого было так светло, что невозможно было смотреть на него, как будто горел на нем луч солнца. В руке у него была чудная ветвь, расцветшая всякими цветами – и белыми, и алыми, испускавшими из себя чудные ароматы – не мира сего тленная ветвь, но райская. Взглянув на меня, он сказал: “Прокопий, где ты ныне?”. “Сижу во тьме и сени смертной, окован железом”, – сказал я ему в ответ. Тогда юноша ударил меня цветущей благоухонной ветвью прямо в лицо и сказал: “Приими ныне неувядаемую жизнь во все твое тело и разрешение оцепенения, постигшего тебя от мороза”. И вдруг посреди невыносимой зимней стужи благовоние весенних цветов проникло в мое

сердце и наполнило меня всего. Как молния, блеснул и скрылся от меня небесный посланник, но жизнь, данная им оцепеневшим моим членам, приразилась мне, и я жив доселе. Вот что случилось со мной, грешным юродом, в это страшное время, но ты, брат мой, помни свои клятвы и никому не рассказывай о том ранее моей смерти». Сказав это, блаженный Прокопий поспешно вышел из дома Симеона и возвратился на соборную паперть, чтобы продолжать свои подвиги непрестанной молитвы к Богу и юродства пред людьми.

Не напрасно питал духовную приязнь к благочестивому Симеону угодник Божий, провидя прозорливым оком священную леторосль, имевшую от него возникнуть. Но не ему открыл он сию радостную тайну, а той, которой еще в детстве предназначено было в супружестве с Симеоном родить великого Стефана. Еще трех только лет была сия блаженная Мария, дочь посадского человека Великого Устюга. Случилось ей однажды идти с родителями мимо соборной церкви Успения Богоматери во время вечернего пения, когда много народа стояло около церкви, внимая Божественной службе. Прокопий вышел из паперти и, как бы юродствуя пред людьми, поклонился до земли отроковице и громко сказал: «Вот идет мать великого отца нашего Стефана, епи-

скопа и учителя Пермского». Подивились Богомольцы, слыша слова юродивого, и едва ли кто из них принял их за пророчество и поверил им, ибо в то время не было еще в Перми ни одной христианской души. Ну а Мария, впоследствии вступившая в супружество с Симеоном, действительно стала матерью Стефана, апостола зырян.

Прибывши в Устюг еще в лучшей поре своего возраста, блаженный Прокопий достиг глубокой старости и давно уже был покрыт сединой, хотя по-прежнему бодрым духом и с юношеским жаром продолжал свои изумительные подвиги, что никому из граждан и на мысль не приходило, что великий подвижник доживает уже последние свои дни и что скоро они должны будут расстаться с ним. Однажды, когда праведник ночью молился на паперти, явился ему Ангел Божий и возвестил о скором окончании его подвига, об отшествии его к Богу, назначив и самый день его кончины. С величайшей радостью услышал о том Прокопий и еще более предался подвигам самой пламенной молитвы, в течение нескольких дней не отходил от храма Пресвятой Богородицы, готовясь к своему исходу. На 8 июля ночью вышел он из соборной паперти и направился к обители покойного друга своего прп. Киприана. Там перед святыми воротами

праведный Прокопий, встав на колени, последний раз вознес пламенную молитву к Богу, благодаря Его за все благодеяния, которыми Господь наградил его в жизни от первых дней юности до старости, призвав его от мрака заблуждения к свету истины и из страны далекой приведши в богоспасаемый град Устюг, под кров дома Пресвятой Богородицы. Отошедши от святых ворот на конец моста, Прокопий возлег тут и, оградив себя крестным знамением, сложил крестообразно руки на груди и с молитвой испустил дух.

Как бы для того, чтобы святое и многострадальное тело его не осталось без крова, в ту же ночь, несмотря на летнюю пору, выпал снег и покрыл землю на две четверти, а над мощами блаженного Прокопия снежной бурей навеяло сугроб в две сажени вышины. Изумились устюжане, вставши поутру и видя дома и улицы, покрытые снегом. Погибли, думали они, весь хлеб и овощи, но настал жаркий солнечный день, и к вечеру снег растаял, не повредив растительности. Между тем соборные священнослужители заметили, что против постоянного обычая, какого блаженный держался в течение многих десятков лет, его не было в церкви на утренней пении, и начали о нем спрашивать горожан, но никто ничего не мог сказать. Тогда стали искать его по все-

му городу, обошли все церкви и опять нигде не могли его найти. Только на четвертый день обрели святое тело блаженного на конце моста к монастырю, лежащее на голой земле и покрытое сугробом снега, который служил ему покровом и все еще не растаял, тогда как в других местах везде было уже сухо. С благоговением и слезами священнослужители подняли тело блаженного трудника и всем собором, с пением псалмов, свечами и фимиамом, на головах своих перенесли его в соборную церковь и оставили там до тех пор, пока все граждане не соберутся на погребение. На том месте, где обретено было тело его, в память события водрузили деревянный крест, а потом, по времени, заменили его каменным и построили часовню.

Сошелся весь народ Великого Устюга с женами и детьми в соборную церковь Божией Матери, и началось надгробное пение среди всеобщего плача и рыдания. Со слезами благодарности вспоминали граждане отеческие заботы юродивого о их спасении, его предсказания и проповедь пред нашествием гнева Божия, чудное избавление города от огненной тучи и многие другие знамения, бывшие от блаженного. Многие неутешно плакали и скорбели о том, что по своему невежеству и грубости считали его безумным, смеялись и оскорбляли его. По совершении надгробного

пения тело блаженного с великой честью было отнесено на берег реки Сухоны на то место, где он любил сидеть на камне и молиться о плавающих по реке и где просил похоронить его. Там и предали тело его земле и камень положили на его могилу, начертав на нем год, месяц и число его кончины. Это было в 1303 году.

Устюжане, не умевшие понять и оценить человека Божия при жизни, не умели сохранить и передать потомству подробностей чудного его жития, хотя он прожил в их городе более полувека и был известен каждому. «Многострадальное же житие того и прозорливство не бе предано писанию исперва, но токмо повествованиями сказывашеся от древних последним», – говорит свт.

[Димитрий Ростовский](#). Уже много лет спустя после блаженной кончины праведника, когда множество полученных от него чудесных исцелений побудило устюжан построить над могилой его храм во имя его и установить день празднования его памяти, они собрали и записали о житии блаженного Прокопия то, что еще сохранилось в предании народа и рассказах отцов и дедов.

Прошло более 130 лет после кончины блаженного Прокопия, а место его погребения оставалось ничем не огражденным, кроме одного лежащего на нем камня. Поскорбел душой об этом один

убогий человек, по имени Иоанн, который слышал о великих подвигах блаженного Прокопия. Стал он подражать его чудному житию и, написав священный лик его, поставил в часовню, которую соорудил своими руками над его гробом ради памяти и поклонения благочестивых людей. Но помысл лукавый взошел в сердце священнослужителей; они изгнали благоговейного пришельца, вынесли образ и разметали часовню.

Протекло не более тринадцати лет после сего события, когда повелением великого князя Иоанна Васильевича со всех сторон собиралась рать на Казань, и с Великого Устюга пришли ратники в Нижний Новгород, где долгое время стояли на страже от нашествия казанских татар. В то время попущением Божиим за грехи людей повальная болезнь свирепствовала в Нижнем. И это было началом прославления угодника Божия, ибо он начал являться в ночных видениях многим из своих горожан в том знакомом им образе, как они привыкли его видеть на иконе в своей часовне устюжской. Блаженный говорил им, чтобы они дали обещание поставить в Великом Устюге церковь в память Христа ради юродивого Прокопия, и минуется их болезнь. Те из них, которые дали обет сей, исцелились, те же, которые по жестокосердию своему не уверовали, умерли от болезни. Спасшиися столь чудесно от

неминуемой смерти ратники по возвращении в Устюг действительно построили церковь, но не во имя его, а в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба и великомученика Георгия. Но эта церковь, как бы в наказание за преслушание повеления праведного Прокопия, 1 августа 1490 года сгорела от молнии. Тогда устюжане, в другой раз ходившие для защиты Нижнего от татар, при возвращении домой нарубили на берегу реки Сухоны лесу, приплыли на нем в Устюг и в 1495 году построили из него новую церковь уже во имя праведного Прокопия (на 192-м году после его преставления), так как к тому времени святость его была засвидетельствована многими чудесами. С этого времени чаще стали являться исцеления и чудеса от его гроба.

Московский Собор 1547 г. причислил праведного Прокопия к лику святых и установил совершать ему память 8/21 июля.